

Стихи Владимира Антропова для меня уникальное поэтическое явление. Кажется, посредством этих слов проговаривается некто, кто знает и чувствует больше, чем дано человеку. Будто с вещей отслаивается всё поверхностное и лукавое, и внезапно обнажается глубинный мир. Мир, в котором сущность вещей, читателем, скорее, не познаётся, а узнаётся, угадывается, а затем даётся в сопереживании – подлинном и глубоком.

О. Г.

ТЕЙКУ

Теперь, обернувшись, почти догорая,
И может, желая уже — догорай! —
Тэйкунавта, плователя к пределам рая,
Видишь в светящей скорлупке его ядра.

Сомкнула среди еле слышных приборов
Жизни – скафандра белая стрекоза
Птицу, летателя к пределам простора,
Вот скрыла лицо в фасетки, вот вытемнила глаза.

Вот проплывает, медленно перебирая
Лестничные прутки перекрашенных рычагов.
Туда, где старый замок некрасивые двери рая
Отворяет, звякнув стальным язычком...

* * *

Р.А. (не успевая)

Вспоминаешь его: вот, краснеет лицо некрасиво
Молчание без ответа – венами по руке, –
А там, за тонкими стенками, уже разгорается хиросима,
И отчаянье рвёт берега предрассветной жёлтой реке.

И тебе не видать, как мечутся дети несчастья,
Не увидеть – трава уже занимается, и судьба

Падает, точно как падают тёплые стены, разламываясь на части,
Как напевает она и плачет, и кровь течёт по губам,

Как потерянный мальчик в грязной льняной одежде
К пожелтевшему небу, не видя, поднимет лицо, и тогда
Вены меняют русла, горит гаолян, и вместо надежды –
На веки вдруг одиночество падает, словно пепел, словно вода.

* * *

Зайдут иногда и сюда, оставят на мытом полу след,
Кинут на пыльный стол
Молчанье своё – пару сухих галет,
Досады крупный помол.

Наизусть : однорукий хлопок дверей,
Жёсткий скрип половиц,
Жестяной вкус молчания – и верней –
Треск городских птиц.

Да уже не любви, не счастья – пару черничных фраз,
Поцелуя воздушного холодок, –
И картонная тень повернётся анфас,
Обмирая, вскрикнет порог.

Там, на воле, солёная хлынет гроза.
Целлофановый смяв пакет,
Отдадут молчанье, долго взглянув в глаза.
Ожидание – нет...

АЛИСА

Алиса прищурит огромный глаз:
Тебе живущему с часу на час,
Что тебе обещания, клятвы, слова –
Гляди, эта ниточка держит едва,

Я дам тебе руку, ты сделаешь шаг,
Школьный холодный твой распахнётся пиджак
Пуговка-жизнь – пластмасса во тьме
Оторвется, блеснёт, покатится по кирпичу ко мне

В этом подвале давно кроме нас ни души,
Не двигайся, стой, ещё полчаса подыши,
Погляди в светящиеся глаза,
Я не смигну слезы, я выживу полчаса.

Опоры дрогнут, посыплется свод
Щёлкнет чека, спасение не войдёт,
Обещанье, вечное, как полчаса,
Нежность живая. Будущие её глаза.

* * *

И словно бы на тротуаре тёмном,
Где только ты и дождь почти, – лишь ветер, ты и дождь,
Секундой вспыхнувшей, обманом мимолётным
Покажется, что ты вот-вот найдёшь, –

Вот-вот коснёшься вдруг, измучась на беззвучье,
Запястья музыки без голоса и дна,
Рукой замёрзшей двинув по-паучьи
Вдоль серых клавиш луж, когда она,

Последняя моя, смешная, золотая
Что лист упавший, – остановит кровь
И отведёт глаза, неслышно угасая,
И бледную губу закусит вновь –

Что словно на коленях безнадёжья,
Вина без звука, полость, пустота –
Мотив чуть слышный как лекарство вложишь
В любимые бездвижные уста

* * *

В тёмном хаосе комнаты что-то развяжет несмело,
Вызволит шелест, легко сбегающий по плечу,
Всё наполнится светом, молочным, протяжно-белым,
Словно ангел безвидный молча зажжёт свечу, –

Светлячка наготы, исполнение жизни случайной,
Рассветающих глаз желанья на самом своём краю, –

И – покинет, оставит мерцать её обнажённую тайну,
Осветить обрывающуюся – твою...

NUE (RUE)

А.Ц.

И вот ты уже поселила во мне
Созерцание этого молока, тёмного мела,
Когда океан обнажённый в немой полутьме
Вдруг разливает (бывшее крохотным) тело...

Венера поднимет руку, но прежде чем – погоди –
Закроется зрение – раковина отворится,
Плещут молочные волны – и там, на груди, – в груди,
В смертном своём тумане – бьётся безвидная птица

Сердца, – и словно ни берега, ни воды –
Всплески и эхо без имени и начала:
Тёмный воздух усталости и беды,
Белое молоко желания и печали...

* * *

Бледный туман робкой краской стыда
Ветренный всколыхнёт рассвет.
Тёплых окон веки закроют тёплое «да»,
Тёмных веток смятенье качнёт холодное «нет».

Между воздухом – воздухом, дыханием – и стеклом,
Небом – тлёном, памятью – и мгновением,
Имя твоё трепещет съёжившимся листком,
Паденье предчувствуя как избавленье, –

Все ещё бьётся, как бьётся последний раз, –
Жестяной, опустевшей, растерянной, ломкой отвагой,
Невидящих больше не закрывая глаз,
Слишком холодной уже переполненных влагой,

Словно не веря – не произнесут,
Не спасут, но секунду до робкого оклика выжить,
Чувствуя – воздух держит ещё на весу
Движение губ, неслышимое за стеклянной тишью.

ЛЕГКАЯ КРОВЬ

Ларисе Йоонас и Артему Тасалову

Этой крови лёгкой вечерние облака,
Лёгкой жизни закатной летучая тайна...
Слишком страшно,.. – А кровь уже так легка,
Ещё больно – но грусть облаков бескрайней.

А всё ждёшь, вот прольётся алым, вот-вот застелет глаза.
Приникнет, вопьётся холодным своим стилетом.
А она стоит в стороне неслышной – тёплая, как гроза,
Шелестит в ветвях, поднимаясь закатом летним.

Знаки скорби, песни любви – облаков рассыпает ряд...
Разве больше ни капли в ладони эти сухие –
И тогда, настоящей, единственной из наград
Вдруг идёт, словно дождь – растворяя прозрачное имя